

ИСТОРИЯ.СИБИРЬ

"Этих б...ей расстрелять мало". История любви сквозь 18 лет ГУЛАГа и ссылок

Марина Аронова

24 сентября 2026

Гертруда Яковлевна и Александр Николаевич (в центре) с близкими

Влюбившись в советского инженера Александра Грампа, выпускница Гарварда Гертруда Кливанс решила на переезд в Россию. А когда ее мужа арестовали в годы Большого террора, отказалась от американского гражданства, чтобы отрезать все пути назад. Она прошла вместе с любимым через лагеря и ссылки и ни разу не пожалела о своем решении*.

Чтобы не пропускать главные материалы Сибирь.Реалии, подпишитесь на наш [YouTube](#), [инстаграм](#) и [телеграм](#)

| "Научилась на ощупь различать тараканов, блох, вшей и клопов"

Летом 1930 года группа американских туристов решила отправиться в кругосветное путешествие. Стартовав из Сиэтла, они посетили Китай и Японию, а

затем на небольшом японском корабле Arabia Maru направились во Владивосток, чтобы оттуда продолжить свой путь по морю. По дороге они познакомились с советским военным атташе в Японии Виталием Примаковым, возвращавшимся в Москву. Его рассказы о гигантских преобразованиях в СССР произвели на американцев огромное впечатление, и они захотели увидеть все своими глазами.

Несколько туристов решили изменить маршрут и проехать через всю Россию по Транссибирской магистрали. Среди них была Гертруда Кливанс – 23-летняя выпускница престижного Радклифф-колледжа Гарвардского университета, работавшая учительницей литературы в средней школе города Янгстаун штата Огайо. То, что она увидела по дороге, произвело на девушку огромное впечатление.

Гертруда Кливанс

Из писем Гертруды Кливанс родным в США:

"Было интересно впервые оказаться в транссибирском экспрессе. В пути мы часто вспоминали подлинное значение слова "экспресс", особенно когда нашим мужчинам приходилось расчищать путь от песка и земли после того, как поезд начинал пробуксовывать на подъемах.

... У меня, например, и сейчас перед глазами стоит группа крестьян у нашего вагона – обутые в лапти женщины, держащие в одной руке селедку, в другой – кусок хлеба. Именно такими я представляла русских крестьян в своем воображении.

... Из окна вагона мы любовались прекрасными видами России. На всем пути нас окружали бесконечные леса и горы. Неизгладимое впечатление производит Сибирь, особенно озеро Байкал.

Трудно представить, что десять дней ты едешь по одной стране".

Добравшись до Москвы, американские туристы продолжили свое путешествие вокруг света. Гертруда Кливанс стала единственной, кто решил остаться и окунуться в странную жизнь вокруг. Бытовые трудности молодую учительницу не пугали. Она скорее с восторгом, чем с ужасом, рассказывала о них в письмах родным, которые тут же публиковала газета Youngstown Vindicator.

Из писем Гертруды Кливанс:

"...Забыла я и о днях недели: здесь нет ни начала, ни конца недели, каждый день имеет просто номер. Такое впечатление, что все работают без выходных. Кроме дней недели, я забыла также, что такое масло, белый хлеб, горячая вода, глаженная одежда, туфли на высоком каблуке, конфеты и многое другое. Скоро, наверное, с вождением буду смотреть на кусок мыла.

... И что запомнится, наверное, навсегда – это бесконечные очереди абсолютно за всем, даже за хлебом и за капустой, даже в так называемые общественные столовые, где, кроме супа в алюминиевых мисках и компота в стеклянных стаканах, обычно ничего не бывает.

Все здесь можно покупать только по карточкам и практически ничего нельзя приобрести в свободной продаже. Хотя в промтоварных магазинах нет в свободной продаже никаких товаров, они все равно переполнены: люди стараются приобрести здесь по карточкам хотя бы самое необходимое – нижнее белье, нитки и т.д.

Большинство людей ходят в какой-то бесформенной одежде. Такое понятие, как хорошо одетая женщина, здесь вообще отсутствует. Многие ходят в рваной обуви, так как починить туфли просто негде, а купить – тем более. Некоторые не имеют никакой другой обуви, кроме сандалий или тапочек. Женщины надевают на голову мужские кепки или береты, сделанные из носовых платков. Пальто здесь выполняет только одну функцию – сохранять тепло, ни о какой моде здесь речи нет".

Чтобы остаться жить в Москве, нужно было найти жилье. Решить эту проблему оказалось куда сложнее, чем Гертруда могла вообразить. Отчаявшись найти хоть что-нибудь, она уже думала, что ей придется спать на скамейке в парке, но связи в американском посольстве помогли отыскать небольшую комнату в аренду.

Из писем Гертруды Кливанс:

"... Несколько дней мне пришлось ночевать на кухне у моих друзей. Эти ночи я провела там рядом с русской печью и миллионами клопов. ... Для того, чтобы хоть немного обезопасить себя от клопов (между прочим, дом этот считается одним из самых чистых в Москве), раскладушку надо располагать достаточно далеко от стены. Ну, а тараканы – это безобидные насекомые. ... Надо сказать, что с кроватными клопами я познакомилась здесь достаточно давно и уже научилась на ощупь различать тараканов, блох, вшей и клопов.

...Три дня назад я поселилась в доме квакеров и теперь являюсь, наверное, самой счастливой женщиной в СССР, так как у меня есть отдельная комната! Москва настолько перенаселена, что здесь трудно снять не только комнату, но даже диван в чьей-нибудь квартире".

"Русский народ – самый терпеливый в мире"

Зарабатывать на жизнь Гертруда решила преподаванием английского языка. Атташе Примаков помог найти учеников – группу из 50 советских инженеров, которым по заданию правительства СССР вскоре предстояло отправиться в США для обучения в аспирантурах американских университетов. Одним из них оказался Александр Грамп – сын рабочего с бакинских нефтяных промыслов. Он участвовал в Гражданской войне на Северном Кавказе, стал первым секретарем Краснопресненского райкома комсомола, а в 1930 году окончил Московский институт инженеров транспорта.

На советских инженеров молоденькая учительница из Америки произвела неизгладимое впечатление. После первого же занятия староста группы Александр Грамп твердо заявил: "Мы пришли сюда изучать английский язык, а не ухлестывать за этой гидрой капитализма..." Однако сам он устоять перед обаянием Гертруды не смог.

Из воспоминаний Александра Волчкова, друга Александра Грампа:

"В июне 1931 года приехала специальная группа специалистов из Америки принимать экзамен по английскому языку у наших молодых инженеров. Они были поражены их знаниями. Гертруда Кливенс, когда ее спросили, как она смогла так обучить этих русских "медведей", да еще за такой короткий срок английскому языку, ответила: они штурмовали английский язык так, как в 1917 году штурмовали матросы-балтийцы Зимний дворец".

Мириться с убогим советским бытом для американки становилось все сложнее, и через год, закончив обучение группы инженеров, Гертруда решила вернуться в США.

Из писем Гертруды Кливанс:

"С приходом холодов важной проблемой становится зимняя одежда. О, что бы я сейчас отдала за пару зимних американских ботинок! Здесь совершенно невозможно ничего купить, в том числе и зимнюю обувь. Деньги в Москве ничего не значат: вы можете иметь сотни бумажных рублей, но, если в магазине нет обуви, нельзя же одеть эти бумажные деньги на ноги!

...Этот год считается особенно тяжелым: было произведено большое количество товаров и продовольствия, но очень многое из этого пошло на экспорт, чтобы на вырученную валюту можно было купить американское оборудование. В результате такой политики сейчас много сибирского масла в Китае и Германии, русских сигарет в Европе, украинского сахара в Турции, белого русского хлеба в США и т.д.

Зато здесь всего этого нет. Мясо выдается один раз в неделю рабочим, учителям и т.д., молоко – только детям, масло один раз в месяц, папиросы – только военным. Яиц, кофе и фруктов нет совершенно, сахар бывает эпизодически. Основное питание – овощи, чай и черный хлеб...

...В государственных магазинах сейчас нет практически никаких продуктов, даже моркови и капусты. Чем больше наблюдаешь здешнюю жизнь, тем больше понимаешь, что русский народ – самый терпеливый народ в мире. Все знают, что все лучшее, производимое в стране, отправляется за границу, но никто против этого не протестует".

После возвращения Гертруды все американские газеты наперебой печатали письма и интервью учительницы, прожившей в загадочной Советской России почти целый год. Несмотря на молодость, она успела заметить очень многое из того, что не следовало замечать туристам.

'It' Girl of Russia Would Be 'Hick' Girl in U. S. According to Teacher Who Lauds Soviet Methods

Dances and Necking Declared Unknown Among Soviets

(By Central Press)

YOUNGSTOWN, Ohio, Sept. 3.—

"The 'it' girl of the Soviet would stand out as the 'hick' girl of the United States!"

That is the contention of Miss Gertrude Klivans, 24, Youngstown society girl, who has returned to her home after passing nearly a year in Moscow as a teacher. She is wearing her first evening gowns since her entry into the land of Soviets.

"A young lady must wear flat heels, affect square shoulders and spurn cosmetics to attract the attention of masculine communists," Miss Klivans explains. "Football games, proms, sororities, high heels, gowns and handsome heroes hold no lure for the Soviet collegian or office worker. Only study interests the men and women of the Russian schools.

"A young Russian co-ed takes vacation from school for just one reason—to become a mother. Marriages in college are frequent and desirable.

"Work comes first in Russia, sex is secondary, marriage means a mutual consent to live together, divorce is unknown, but separation is by mutual consent. Children are cared for by the parents or the state, depending upon convenience.

"A man may live with the woman of his choice without violating a single law. He can leave her at any time. She can leave him. If there are children the man must support

Из писем Гертруды Кливанс:

"Последнее время здесь повсюду проходят шумные процессы над так называемыми саботажниками. Особенно много разговоров о последнем из этих процессов. Сначала все обвиняемые были приговорены к смертной казни, а затем правительство неожиданно проявило великодушие и заменило смертные приговоры тюремным заключением. Большинство людей этого понять не могут. Дело в том, что только что их заставляли маршировать под знаменами и требовать смертной казни саботажникам, и вдруг приговоры отменяются. Сегодня утром мои студенты рассказали мне, что на заводах и фабриках происходят стихийные

митинги, на которых рабочие протестуют против решения ЦИКа об отмене смертных приговоров.

Психология, которая лежит за всем этим, представляет большой интерес. Очевидно, никто не знает и, наверное, никогда не узнает, справедливы ли все эти приговоры.

Технические специалисты запуганы продолжающимися арестами. Каждый инженер дрожит от страха, думая, что он будет следующим. Если по одной из многих причин, оправданных или объяснимых, какой-то проект осуществляется не так, как это было запланировано, всегда можно ждать обвинения в саботаже. Выходцы из буржуазных семей боятся, естественно, вдвойне.

Здесь циркулирует много слухов о восстаниях и покушениях. Хотя большая их часть оказывается вымыслом, все время есть ощущение, что где-то может прорваться недовольство народа, который в общем-то находится в отчаянном положении. Государство всячески старается убедить население в том, что виновником всех трудностей являются контрреволюционеры и саботажники.

Шествия и митинги, требующие смертной казни контрреволюционерам и саботажникам, здесь организуются довольно часто. Предприятия и учреждения на это время закрываются, улицы перегораживаются веревками и барьерами. В эти часы по городу распространяется много слухов, в том числе слухи об убийстве Сталина и других руководителей. После завершения шествий трамваи снова начинают перевозить огромные массы людей из одного конца города в другой.

В газетах и по радио такие марши и демонстрации преподносятся как выражение воли народа, но, для того чтобы их правильно оценивать, надо иметь в виду, что они носят, по существу, принудительный характер.

В эти дни в Москве происходит важное событие – идет суд над очередной "бандой контрреволюционеров". Думаю, что вы читали об этом в американских газетах. Здесь из этого делается большое шоу. Вчера тысячи рабочих маршировали по улицам и требовали смертной казни "вредителям", как здесь называют контрреволюционеров. Сегодня по специальному билету я присутствовала в качестве зрителя на одном из заседаний этого суда. На меня все это произвело огромное впечатление, но об этом расскажу вам при встрече.

Вообще, писать письма отсюда довольно трудно. С одной стороны, мне кажется, что можно описывать все, как оно есть на самом деле, так как создается впечатление, что власти все равно знают все обо всех. (Здесь шутят, что даже если ты во сне переворачиваешься на другой бок, кто-то тут же сообщает об этом властям!) С

другой стороны, многие советуют быть осторожней и осмотрительней в письмах. Так что имейте в виду, что многое из того, что я хотела бы написать вам, я не пишу.

...

Обо мне не беспокойтесь и не волнуйтесь. Я здорова, счастлива, меня окружают прекрасные люди, у меня очень интересная работа. Да, кстати, не верьте, пожалуйста, тому, что пишут о России американские газеты. На самом деле здесь по крайней мере в три раза хуже, чем они об этом пишут!"

| "На первом же допросе выбили практически все зубы"

Одновременно с Гертрудой в США отправились ее русские ученики, и она продолжала встречаться с ними и в Америке. Александр Грамп поступил в аспирантуру университета имени Джона Пордью в городе Лафайетт, штат Индиана, и, окончив ее, получил степень магистра технических наук.

Из записи в дневнике, которую Александр Грамп сделал много лет спустя, 14 июня 1957 года:

"Почему-то сегодня вспомнились первые откровенные беседы с Гертрудой. Это было в Кливленде, куда я приехал на воскресное свидание из Лафайетта, а она – из Янгстауна... По выражению лица и скромной улыбке я пытался тогда разгадать секрет ее обаяния, секрет чего-то неуловимо притягательного в ее облике. Но одно мне было совершенно ясно: я безоглядно и навсегда влюблен в нее.

О, эти прекрасные минуты! Они осчастливили меня на всю жизнь!

Прошло 25 лет с того дня, когда я поставил своей целью навсегда связать свою судьбу с Гертрудой. Еще не зная ее ответа, я почему-то был уверен в том, что она испытывает большое чувство по отношению ко мне, что у нее нет страха перед предстоящими житейскими трудностями, а есть твердое желание разделить со мной мою судьбу.

Много и долго я думал тогда о том, какую ответственность беру на себя: ведь из-за меня, простого советского инженера, она решила оставить богатую Америку, расстаться с матерью, отцом, сестрами и братом, со многими родственниками и друзьями. Все это еще более усиливало мою любовь".

В 1933 году, получив степень магистра технических наук, Александр Грамп вернулся в Россию, где вскоре возглавил Московский институт инженеров транспорта. Вскоре к нему в Москву приехала Гертруда. В том же году они

поженились и поселились в просторной квартире в самом центре столицы. А в августе 1934 года у них родился сын Евгений.

Счастливая жизнь оборвалась внезапно: 2 августа 1937 года Александра Грампа, перешедшего на работу в Наркомат путей сообщения, арестовали. Всего за две недели до ареста Лазарь Каганович вручил ему орден "Знак Почета", призвал всех брать пример с молодого перспективного сотрудника. Но никакие заслуги не помешали объявить Грампа "участником правотроцкистской вредительской организации на транспорте".

Из воспоминаний узницы ГУЛАГа Ксении Чудиновой:

"Последние годы он (Александр Грамп – прим. С.Р.) руководил в НКПС всеми учебными и научно-исследовательскими заведениями наркомата, был награжден орденом, получил нечастое в ту пору звание "Почетный железнодорожник". Александр Николаевич рассказывал, что Каганович часто хвалил его, ставил в пример работникам наркомата на заседаниях коллегии и сам же... подписал ордер на его арест".

Александр Грамп прошел через очные ставки на Лубянке, допросы в Бутырках, одиночное заключение в Елецкой тюрьме, но не оговорил ни себя, ни товарищей.

Из воспоминаний Александра Волчкова:

"Грамп на первом же допросе выбили практически все зубы. Требуя, чтобы он подписал бумаги о его вредительской деятельности. Он не подписал. Он просил сообщить о своем аресте Кагановичу. Следователи предложили все изложить письменно. Он написал. Через месяц его вызвали на очередной допрос. Следователь спросил Грампа: вы писали обращение к Кагановичу? Вот пришел ответ. По диагонали листа красным карандашом было написано: "Этих б...ей расстрелять мало".

7 января 1938 года решением военной коллегии Верховного суда СССР Александр Грамп был признан виновным в "шпионаже в пользу Америки, контрреволюционной деятельности на транспорте" и по статьям 17-58-7, 58-8 УК РСФСР приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей и 5 годам поражения в правах. Отбывать заключение ему предстояло на севере Красноярского края, где строился заполярный Норильск.

Из дневника Александра Грампа:

"В самые тяжелые для меня дни, на всех допросах, преодолевая невероятные физические и нравственные страдания, я ни разу не сказал неправду. Ни семисуточный "конвейер", ни перевод в одиночку, ни лишение книг и передач, ни угрозы арестовать жену не сломили меня. Я был готов умереть, но не изменить своим взглядам".

| "Донесли хлеб до лагеря, не съев ни крошки"

После ареста мужа Гертруда превратилась в жену "врага народа".

Из воспоминаний Евгения Грампа:

"Маму тут же уволили с работы, почти все вещи были конфискованы. Из квартиры нас выселили сначала в полуразвалившийся барак на окраине Москвы, а чуть позже – и оттуда, прямо на улицу. ... По отзывам многих, мама хорошо владела пером..., но, к сожалению, не оставила после себя абсолютно никаких воспоминаний, дневников, записей. Страшный обыск 37-го оставил у нее неизгладимое впечатление. На всю жизнь запомнил слова мамы: "Я всегда стараюсь уничтожать все лишние бумаги. Если еще раз суждено пережить обыск, пусть он будет хотя бы не таким длительным".

Гертруда как гражданка США могла уехать из СССР к отцу, преуспевающему бизнесмену. Знакомые американцы, работавшие в Москве, предлагали ей помощь с организацией отъезда. Но Гертруда неизменно отказывалась, хотя прекрасно знала, что такое быть членом семьи "изменника родины". Понимая, что ее тоже могут арестовать, она решила остаться и разделить с мужем его судьбу. Более того, через год после его ареста она отказалась от американского гражданства.

Из воспоминаний Евгения Грампа:

"Многие относились к поступку мамы как к сознательной жертве, как к подвигу. Наверное, они правы, но сама она так никогда не считала. Для нее это было естественное и единственно правильное решение. Более того, зная ее, я абсолютно уверен, что, несмотря ни на какие обстоятельства, вопрос о возвращении в Америку вообще не возникал, да и сама мысль об этом никогда не приходила ей в голову".

Одной с маленьким ребенком на руках, в чужой, внезапно ставшей враждебной стране Гертруде пришлось очень нелегко. Денег на жилье в Москве не было, пришлось уехать из столицы и снять угол в деревне Портновской. Найти работу долго не получалось. С огромным трудом удалось устроиться лишь временно – "иномашинисткой".

Еще хуже стало, когда началась война. Осенью 1941-го Портновскую заняли немцы, пришлось бежать в Москву, бросив и те крохи, что остались после конфискации имущества. Все войну Гертруда с сыном ютились в крохотной комнатенке коммунальной квартиры вместе с родителями Александра Грампа и его сестрой.

Из воспоминаний Евгения Грампа:

"На кроватях все не помещались, поэтому кто-то спал на столе, кто-то под столом. Первое время, когда объявляли воздушную тревогу, бегали ночью в бомбоубежище, потом привыкли, перестали. Наше с мамой положение усугублялось еще и тем, что в квартире мы жили фактически нелегально, без прописки: вздрагивали при каждом стуке в дверь. Нелегко приходилось и с хлебом насущным. Некоторое время, как записано в трудовой книжке, мама работала "мазальщицей" в коробочном цехе табачной фабрики "Ява".

Положение Гертруды было бы еще хуже, если бы не поддержка родных мужа, особенно младшего брата отца – Сурена Агаджанова (Агаджанов – настоящая фамилия Александра Грампа, новую фамилию он придумал себе в годы Гражданской войны, когда работал в подполье на Северном Кавказе. – Прим.С.Р.).

Переехав из Азербайджана в Москву, Сурен Агаджанов сумел подняться от простого рабочего до директора крупного авиационного завода. Узнав об аресте брата, он совершил небывалый по тем временам поступок – записался на прием к Никите Хрущеву, который был тогда секретарем МГК ВКП(б), и заявил, что ручается за Александра Грампа и не верит в его виновность. Рискнув своей карьерой, а может, и жизнью, Сурен не смог спасти брата, но всю войну, чем мог, помогал его семье. "Родители всегда подчеркивали, что мужество, проявленное братом отца в тяжелые годы, было по крайней мере не меньшим, чем то, которое проявляли люди по другую сторону колючей проволоки", – вспоминал Евгений Грамп.

Александр Грамп в Норильлаге поначалу оказался на "общих работах", где он долго бы не протянул. Помог счастливый случай.

Из воспоминаний норильчанки Лидии Вуколовой-Бизяевой:

"Осень 1939 года. Мой муж, Александр Денисович Бизяев, завербовался, как тогда говорили, на Норильский горно-металлургический комбинат. Однажды вечером Александр рассказал мне, что, проезжая мимо работающих на морозе заключенных, увидел среди них своего институтского профессора А.Н. Грампа! Он подошел к нему: "Здравствуйте, Александр Николаевич!" – и пожал руку. Узнал, за

каким подразделением он числится, на другой же день ходатайствовал о переводе Грампа на работу, близкую его специальности".

– Александра Грампа назначили бригадиром отряда рабочих из 30 человек на прокладке самой северной в мире узкоколейной железной дороги Норильск – Дудинка, – рассказывает историк репрессий **Татьяна Леонова** (*имя изменено из соображений безопасности*). – Бригада Грампа быстро стала лучшей во всем Норильлаге, а это было очень нелегко, если учитывать масштаб этой огромной стройки. Секрет был прост: в составе бригады были только "политические".

Из воспоминаний узника ГУЛАГа Леонида Гинзбурга:

"Одна из бригад – бригада Грампа. Состав ее интересен и типичен. Одна только 58-я статья, ни одного "урка", ни одного бытовика. ... В составе бригады – два брата, крестьяне-колхозники с Алтая, люди сильные, умные, энергичные, быстро ориентирующиеся в любой производственной обстановке, даже такой необычной, как лагерная заполярная стройка. В бригаде также – двое кадровых рабочих, один офицер, учитель, два партийных работника, директор театра из Казани, инженер из Днепропетровска, два профессора-юриста из Москвы. В миниатюре это все советское общество, люди физического и умственного труда, строители социализма, большинство из них коммунисты. Бригада "гремит" на строительстве как передовая, надежная, ударная".

– Бригада Грампа смогла завоевать уважение не только лагерного начальства, но и заключенных, что было еще сложнее. Так, однажды, когда узкоколейку в очередной раз занесло снегом, чистить ее вручную отправили две бригады: одну из уголовников, а вторую – Грампа, из политических. Почти 24 часа они проработали на морозе и окончательно выбились из сил. А тут еще выяснилось, что возвращаться назад, в лагерь, по заснеженной тундре придется не налегке, а с грузом: каждому велено было взять по мешку хлеба. Из-за снежного заноса другой возможности доставить хлеб ээкам, кроме как на плечах голодных и обессиленных людей, не было. Так вот, уголовники по дороге съели почти весь хлеб. А бригада Грампа решила, что не имеет права оставить товарищей без пайки, и донесла хлеб до лагеря, не съев ни крошки, – рассказывает Татьяна Леонова. – Стоит ли после этого удивляться, что, когда однажды на дальнем участке трассы бригаду Грампа засыпало снежным бураном, ээки буквально потребовали от лагерного начальства отправить людей на ее поиски.

Показатели бригады были такими высокими, что Грампу и его подчиненным сократили срок на полтора года. А инженерный талант бригадира проявился в том, что он смог разработать такую систему защитных сооружений, что ветер

переносил большую часть снега через дороги. После этого на узкоколейке к Дудинке больше не приходилось беспрестанно откапывать паровозы.

|"Я отца практически не помнил"

В 1945 году Александр Грамп был освобожден досрочно "за ударный труд во время войны", но разрешения покинуть Норильск не получил. Узнав об этом, Гертруда сразу же решила отправиться к мужу.

Из воспоминаний Евгения Грампа:

"Как ни странно, в этот момент маму больше всего волновал вопрос о том, как она будет с ним разговаривать. Дело в том, что обычно они разговаривали с отцом на английском. Мама была почти уверена, что за эти долгие девять лет от его английского языка ничего не осталось. А как разговаривать с ним по-русски – она не могла себе представить. Никогда не забуду ее неподдельную радость, когда она слышала в телефонной трубке родной голос и английскую речь... До конца своих дней они разговаривали друг с другом только на английском".

После 1937 года Гертруда периодически писала родным в США, что у нее все в порядке, все живы и здоровы. Она ни разу даже не упомянула о том, что муж арестован и ей одной приходится воспитывать сына. А после переезда в Норильск и вовсе перестала писать, даже не сообщив своего нового адреса. Она боялась, что переписка с зарубежными родственниками еще больше осложнит и без того тяжелое положение семьи.

Жизнь постепенно налаживалась. Александр Грамп продолжал работать на строительстве Норильского комбината, но теперь уже в статусе вольнонаемного. Гертруда устроилась преподавателем английского в местную школу. Семье выделили двухкомнатную квартиру, в которой собирались многочисленные друзья.

Из воспоминаний геолога Лидии Хабаловой:

"Таких людей, как Гертруда Яковлевна и Александр Николаевич, я больше никогда не встречала. У меня было ощущение, что, как от мощных "аккумуляторов", я на всю жизнь зарядилась от них энергией, любовью к людям. Так влияли они на всех, кто попадал в сферу их притяжения. В их доме легко дышалось, казалось, что становишься лучше, чище, добрее. Гертруда Яковлевна умела создать вокруг себя такую атмосферу, в которой прекрасно чувствовали себя прибалты и корейцы, русские и евреи, армяне и осетины. Это было проявление интернационализма в лучшем понимании этого слова".

Период относительного благополучия оказался недолгим. В конце лета 1950 года начальник Норильского комбината издал приказ об увольнении всех бывших заключенных "за невозможностью дальнейшего использования". Уволенные теряли не только работу, но и жилье. Тут же поползли слухи о предстоящих арестах. Александр Грамп решил срочно вылететь в Красноярск и найти работу в каком-нибудь небольшом поселке неподалеку: тогда, если его арестуют, у жены и сына хотя бы останется крыша над головой.

Так семья оказалась в небольшом горняцком поселке Ирша неподалеку от Канска, где Александр Грамп устроился на работу начальником строительного участка и получил небольшую комнатку. Вскоре слухи об арестах подтвердились: бывших политзаключенных из Норильска стали забирать одного за другим. 5 ноября 1950 года арестовали и Александра Грампа.

На допрос в красноярской тюрьме его вызвали всего один раз. Спросили: "Продолжали ли вы все это время заниматься контрреволюционной деятельностью?" – и, получив отрицательный ответ, отправили обратно в камеру. Через три месяца из Москвы пришло решение Особого совещания за подписью Берии. 10 февраля 1951 года Грампа признали виновным в контрреволюционной деятельности и приговорили по ст. 58 УК РСФСР к бессрочной ссылке. А в марте 1951 года отправили по этапу в глухой Мотыгинский район к северу от Ангары, в крошечный поселок Ишимба. Там ему удалось устроиться инженером по строительству.

Гертруда дождалась, пока сын окончит девятый класс, и сразу же отправилась вслед за мужем в таежную глухомань. Во время плавания по Енисею до стрелки с Ангарой по вине пьяного штурмана судно налетело на пороги, получило пробоины и едва не утонуло. Гертруда во время этой катастрофы повредила ногу и два месяца провела в больнице, дожидаясь, пока сможет встать на ноги. Но еще тяжелее оказался последний участок пути до места ссылки.

Из воспоминаний Евгения Грампа:

"Несмотря на летнее время, дорога на этом участке представляла собой сплошное грязное месиво, поэтому передвигаться приходилось весьма оригинальным способом: со всем своим скарбом мы разместились на толстом металлическом листе, который был прицеплен к трактору. Так предстояло "проехать" 50 километров".

В Ишимбе, где Александру Грампу следовало оставаться "навечно", оказалось не так плохо, как можно было ожидать. В 1950-е годы в крошечном поселке насчитывалось порядка 200 ссыльных политзаключенных, и Грампы быстро

нашли новых друзей. Сын Евгений окончил школу в соседнем поселке и уехал поступать в Москву.

Из воспоминаний Евгения Грампа:

"Начал я с того, что пошел (между прочим, исключительно по своей собственной инициативе) в Московский институт инженеров транспорта (МИИТ) имени И.В.Сталина – тот самый, который когда-то окончил мой отец и где одно время (в 30-е годы) он был директором. Мне казалось, что там остались еще люди, которые помнили его и которые смогут оказать мне какое-то содействие. Они и в самом деле сразу обнаружили. И шепотом, боязливо оглядываясь по сторонам, произнесли какие-то хорошие слова о моем отце, но тут же посоветовали: "Уноси, парень, отсюда ноги, и как можно быстрее".

На следующий день я пошел в приемную комиссию недалеко от МИИТа расположенного Станкоинструментального института, тоже имени И.В.Сталина. Протянув председателю комиссии свой нестандартного вида аттестат, сказал: "Мой отец репрессирован с 1937 года и в настоящее время находится в вечной ссылке в Сибири. Мать моя – американка. Если вы таких не принимаете, скажите об этом сразу, я пойду тогда в другой институт". Надо заметить, что в то время многие мои сверстники, товарищи по несчастью, старались, мягко говоря, не афишировать своего "происхождения". Наверное, поэтому мое откровенное заявление повергло членов приемной комиссии и всех присутствующих в состояние шока. Председатель невнятно произнес: "Как вы могли подумать! Мы ведь живем в демократическом государстве..."

Документы мои были приняты, я успешно сдал вступительные экзамены и вскоре был зачислен на первый курс технологического факультета".

| "Я сама жила в этой истории и была ее частью"

Спустя год после смерти Сталина, в 1954 году, сосланным "навечно" начали выдавать паспорта и разрешили передвигаться по стране. Семья Грампов смогла вернуться в Москву, где Александр был полностью реабилитирован 2 февраля 1955 года. Ему предложили персональную пенсию – он отказался. Попросил только об одном: вернуть квартиру и библиотеку. Квартиру – редчайший случай! – вернули, а вот вернуть библиотеку не смогли: все книги растащили после ареста.

Александр вернулся к прежней работе – доцентом Московского института инженеров транспорта. Даже после 18 лет лагерей и ссылок он остался убежденным коммунистом и стал инициатором создания Музея истории

комсомола Красной Пресни. Гертруда в качестве переводчика и редактора сотрудничала с "Внешторгиздатом".

Александр Грамп на встрече с комсомольскими активистами в Музее комсомола

Из воспоминаний Александра Волчкова:

"Мы часто беседовали с Александром Николаевичем о его аресте, о потерянных годах. Я задавал ему вопрос: неужели ему не противна та власть, которая вырвала у него столько лет жизни? Коммунистическая партия, которая не смогла его защитить? Он отвечал мне так: "Ты не думай, что среди арестованных были только такие, как я, были и враги. Это первое. Второе: я в партию пришел сам. И диалектику изучал не по учебникам, а по жизни. Мы были большевиками и знали, что в революции бывают отливы и приливы. И настоящие большевики верили: придет прилив".

Родственники в США все эти годы не оставляли попытки отыскать Гертруду. Они безуспешно обращались за помощью в Госдепартамент США, советское посольство в Вашингтоне, американское посольство в Москве, Красный Крест, ООН... Ничего не удалось узнать вплоть до 1964 года, и родные были уверены, что Гертруды уже нет в живым.

Евгений Грамп

Из воспоминаний Евгения Грампа:

"Меня часто спрашивают: почему мама после возвращения в Москву сама не пыталась возобновить связь со своими родственниками в Америке? Ответ, как я думаю, прост: все дело в принципах, которых она всегда придерживалась в своей жизни. Дело в том, что все эти годы я работал в так называемом почтовом ящике, и она прекрасно понимала, что переписка с Америкой, мягко говоря, ничего хорошего мне, как ее сыну, не сулит".

Лишь через 17 лет после того, как Гертруда перестала писать родным, в ответ на очередной запрос американскому посольству в Москве пришел ответ: "По официальным

каналам ничего выяснить не удастся, так как советские органы практически не оказывают нам содействия в поиске лиц, которые не являются гражданами США. Но... в телефонном справочнике Москвы 1960 года приводится адрес А.Н. Грампа. Попробуйте написать по этому адресу, может быть, это и есть муж Вашей дочери, которую Вы разыскиваете". Так удалось восстановить связь. Особенно рад был отец Гертруды, которому было уже под 90.

Из первого после 17-летнего перерыва письма Гертруды Кливанс родным в США от 5 августа 1964 года:

"Не удивляйтесь, что я ничего не пишу о нашем прошлом. Постарайтесь понять меня правильно: во-первых, то, что мы пережили здесь после 37 года, просто невозможно изложить на бумаге, во-вторых, пережитое нами находится за пределами вашего воображения. Вы никогда не сможете понять и тысячной его доли, так как у вас нет адекватных критериев для оценок.

Поймите главное: я счастлива сейчас и была счастлива все эти годы, я не сожалею ни об одном из серьезных решений, которые принимала в своей жизни. Современную историю я познавала не из книг и журналов. Я сама жила в этой истории и была ее частью".

В 1966 году Гертруда получила приглашение приехать в Америку. Она очень хотела увидеть родных после 33 лет разлуки, но ОВИР ответил отказом.

Из заявления Александра Грампа на имя начальника 2-го Главного управления КГБ:

"Отцу моей жены уже исполнилось 87 лет. Вполне естественно его желание перед смертью увидеться с дочерью, которую он не видел более 30 лет. В самые страшные годы репрессий моя жена всем своим поведением доказала беспредельную верность и преданность не только мне, как мужу, но и своей второй Родине. В этих обстоятельствах мне представляется чудовищным отказ ОВИРа УКГБ гор. Москвы в разрешении моей жене на выезд в США для свидания с родными. Повторяю: всей своей жизнью она подтвердила, что заслуживает полного политического доверия".

В конце концов разрешение было получено и Гертруда смогла поехать в США. Встреча с родными стала для нее настоящим подарком судьбы. Но еще больше она была рада вернуться назад, к мужу и сыну.

Из воспоминаний Евгения Грампа:

"Благодаря любви и стараниям мамы отец и в 80 лет не превратился в старика. Он продолжал с утра до вечера работать, всегда был бодр, оптимистичен и жизнерадостен. Но все в этой жизни, увы, когда-нибудь кончается.

Отец умер (10 марта 1983 года. – Прим.С.Р.), как и желал того всегда, мгновенно, как говорится, на полном ходу. Однажды, между какими-то двумя заседаниями, он зашел домой, прилег на кушетку немного отдохнуть, вскрикнул... и скончался. Мама позвонила мне на работу, я тут же приехал. Помню ее слова: "Вся жизнь – как одна минута..." Это было в марте 1983 г.

После смерти отца мама прожила два года. Она умерла 1 февраля 1985 г. от рака легких в возрасте 78 лет".

Александр и Гертруда Грамп похоронены на Ваганьковском кладбище в Москве – рядом, как и прожили жизнь.

** Текст из архива Сибирь.Реалии*